

И.Б.НЕПОМНЯЩИЙ

ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ СТАТЬИ СОЛОВЬЕВА О ТЮТЧЕВЕ

Аннотация.

Поднимается вопрос об источниках работы Вл.Соловьёва о Тютчеве, которая в тютчеведении XX века оценивается как первая серьезная попытка систематически изложить философское мирозерцание поэта. Выдвигается гипотеза, что некоторые тезисы Соловьёва опираются на суждения о Тютчеве, высказанные в XIX столетии. В частности, параллель между Тютчевым и Гетте, последовательно проводимая Соловьёвым, уже была намечена в заметке Тургенева о поэте, а в дальнейшем развита в тургеневских письмах и художественной прозе. Делается вывод о весьма вероятном влиянии тургеневского восприятия тютчевской поэзии на концепцию Соловьёва.

Ключевые слова: русское Зарубежье, Тютчев, Тургенев, Гетте, традиция, межтекстовые взаимодействия.

Here is considered a question about possible source of Vladimir Soloviov's work about Tyutchev which is evaluated as the first serious attempt to state systematically poet's philosophical views. A hypothesis is given that some of Soloviov's theses are based on Turgenev's judgment set forth in the XIX century. In particular a parallel between Tyutchev and Goethe consistently carried out by Soloviov, had already been marked in Turgenev's notes (1854) and later developed in Turgenev's letters and works of literature. A conclusion is made about highly probable influence of Tyutchev's perception by Turgenev on Soloviov's conception.

Key words: Russian immigrants, Tyutchev, Turgenev, Goethe, tradition, the intertext interactions.

Большое значение статьи Вл. Соловьёва «Поэзия Ф. И. Тютчева» для становления науки о поэте уже в XX в. подчеркивалась неоднократно. Заметную роль в этом признании, по-видимому, играют суждения представителей русского Зарубежья. С.Франк, Н.Оцуп, В.Андреев, Г. Фроловский – вот далеко не полный перечень тех, кто, размышляя о тютчевской лирике, оценивал появление концепции Соловьёва как поворотный момент в утверждении непреходящей ценности тютчевского слова. Так, Николай Оцуп был предельно категоричен: «...Только после соловьевской статьи для Тютчева наступила пора истинного и окончательного признания»¹. Ему вторит В. Андреев: «Заслуга «открытия» Тютчева принадлежит Вл. Соловьёву. До соловьевской статьи Тютчев пользовался известностью... только среди небольшого кружка поэтов и писателей середины XIX в.»².

Мнения о самом существовании соловьевских тезисов в эмигрантской среде были достаточно разноречивы: от глубокого и полного к ним сочувствия до откровенной полемики. Может быть, одно из наиболее сдержанных и взвешенных суждений в этом отношении принадлежит С. Франку, который в собственной блестящей работе о поэте отмечал: «Тенденцией вложить в поэзию Тютчева слишком отвлеченно и доктринально выраженное философское мирозерцание страдает известная статья Вл. Соловьёва, которая образует ценное начало в изучении духовного богатства поэзии Тютчева»³.

Между тем не единожды в критике русского Зарубежья, рассматривающей вопрос о соловьевской статье, прослеживается любопытная тенденция: стремление оторвать проблематику последней от того, что было сказано в наиболее заметных «тютчеведческих» работах середины и второй половины XIX столетия. В уже упоминавшемся очерке В. Андреева, например, прямо утверждается: «Две статьи, появившиеся до соловьевской – Аксакова и Тургенева – не могли раскрыть нам тайну Тютчева... Ни Аксаков, ни Тургенев не постигли этой тайны»⁴. Практически то же читаем и у Н. Оцупа: «Честь этого открытия (творчества Тютчева. – И. Н.) едва ли умалется тем, что за много лет до того, еще при жизни поэта, его великий дар был уже отмечен и превознесен Некрасовым, Тургеневым, Фетом: они не ставили себе задачей проникнуть в самое средоточие тютчевской лирики»⁵. Заявка на особое место статьи для осмысления тютчевского наследия была сделана самим ее автором, который во вступительной части, отметив «восторженные отзывы» о поэте Л. Толстого и Фета, Тургенева и Григорьева, счел нужным сказать, что «специального разбора и объяснения» поэзии Тютчева до сих пор «не существует в нашей литературе...»⁶. Между тем вопрос о связях соловьевских тезисов с ключевыми высказываниями о Тютчеве середины XIX в. оказывается куда более сложен, по крайней мере некоторые из них, как нам кажется, восходят к предшественникам Соловьёва. На одной из таких переключек стоит задержаться.

Едва ли не самое цитируемое место из работы Соловьёва касается параллели Тютчева и Гете: «Но и сам Гете не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно и не сознавал так ясно ту таинственную основу всякой

жизни, - природной и человеческой, - основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества».⁷ Именно в этом Соловьев усматривает ключ ко всей тютчевской лирике, видит «источник ее содержательности и оригинальной прелести».

Соотнесение имен Тютчева и Гете, которому автор уделяет самое серьезное внимание, посвящая почти полностью четвертую главу, уже присутствовало в размышлениях о поэте. И если в фетовской статье 1850 г. беглые упоминания о великом немце не обретают принципиального значения, то иначе обстоит дело с «гетевской» темой в небольшом, но чрезвычайно емком отклике Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева». Казалось бы, и здесь упоминание о Гете имеет характер попутного замечания: «...от его стихов не веет сочинением; они все кажутся написанными... на известный случай, как того хотел Гете, то есть они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем... влияние на них Пушкина, видим в них отблеск его времени».⁸ Однако дело в том, что и весь следующий пассаж в тургеневской статье, по всей видимости, также связан с параллелью Тютчев – Гете, хотя и без формального упоминания о последнем.

Размышляя о пропорциях сознательного и бессознательного, «ремесла» и «природы» в творческом акте, Тургенев опирался (мог опираться) на тютчевское стихотворение, посвященное смерти Гете. Переключки вполне ощутимы. Вот стихи:

На *древе* человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим *соком*,
Развит чистейшим *солнечным лучом*. <...>

Не поздний вихрь, не буйный ливень летний
Тебя сорвал с *родимого сучка*:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка.

А вот фрагмент критической прозы: «... мы восстаем только против отделения таланта от той почвы, которая одна может дать ему *сок* и силу...»⁹ И далее: «Из отрубленного, высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на том *сучке свежему листу*, не раскрыться на нем пахучему цветку, как ни *согревай его весеннее солнце*».¹⁰ Перед нами едва ли не парафраз: пересечения с тютчевским текстом, созданным, кстати сказать, на «известный случай», касаются и мотивной сферы, и лексики. Если эта догадка правомочна, то становится ясно, что авторитет Гете, привлеченный Тургеневым для обоснования глубокой органичности тютчевского творчества, место Гете в системе тургеневской статье о Тютчеве куда более значительны, чем представляется на первый взгляд.

В сознании Тургенева имена Тютчева и Гете были безусловно и прочно соотнесены. По существу в процитированном выше фрагменте статьи устанавливается глубочайшее родство самой природы тютчевской лирики с эстетическими принципами Гете (заметим попутно, насколько естественно для Тургенева – всего за полтора-два года до начала работы над собственным “Фаустом” – к именам Гете и Тютчева присоединить и упоминание о пушкинском влиянии). Но и почти через 20 лет, в августе 1873, Тургенев напишет Фету в связи с известием о смерти Тютчева: «Самая сущность, его суть – это западная, сродни Гете ...».¹¹

Связывая Тютчева с Гете, Тургенев подключается к той мощной традиции восприятия и интерпретации тютчевской поэзии, начало которой было положено статьей И. В. Киреевского “Обзорение русской словесности за 1829 год”, в которой автор причисляет Тютчева вместе с Хомяковым и Шевыревым к “поэтам немецкой школы”. Тургенев, разумеется, не упускал из виду и данное Пушкиным определение, касающееся самого пафоса ранней тютчевской лирики, – «Стихотворения, присланные из Германии». Родственные суждения высказывались и в середине века, в том числе и в ближайшем окружении Тургенева: так, Анненков писал Некрасову: «Тютчев – немец и притом больше ничего не напишет».¹² Важно иное: из общего руслу «немецкой школы», из многих ее представителей, в связи с Тютчевым Тургенев выделяет именно Гете.

Что же связывало Тютчева с Гете в сознании Тургенева? Об этом, хотя и косвенно, могут свидетельствовать размышления в статье 1844 года о творце “Фауста”. На протяжении всей статьи Тургенев неоднократно фокусирует внимание на проблеме личности, “человеческого я”, как центральной для Гете: «Первым и последним словом, альфой и омегой всей его жизни было ... его

собственное Я; но в этом Я вы находите целый мир...»¹³; и еще: «Последним словом всего земного для Гете было человеческое я.. И вот это я, это начало, этот краеугольный камень всего существующего, не находит в себе успокоения, не достигает ни знания, ни убеждения, ни даже счастья...»¹⁴; и опять: «Гете ... первый заступился за права - не человека вообще, нет - за права отдельного, страстного, ограниченного человека; он показал, что в нем таится несокрушимая сила, что он может жить без всякой *внешней опоры* (курсив мой. - И.Н.) и что при всей неразрешимости собственных сомнений, при всей бедности верований и убеждений человек имеет право и возможность быть счастливым и не стыдиться своего счастья».¹⁵ Нет нужды доказывать, насколько родственны эти тургеневские характеристики творчества Гете пафосу таких тютчевских пьес, как “Сон на море”, “Нет, моего к тебе пристрастья...”, “Тени сизые смешались...”, “Святая ночь на небосклон взошла...” и многих других.

Однако на Соловьева, думается, могла повлиять не только критическая, но и художественная проза Тургенева, его «таинственные» рассказы и повести: «Призраки», «Клара Милич» и т.п. В их ряду особенное внимание привлекает «рассказ в девяти письмах» «Фауст», в котором переосмысливается опыт гетевской трагедии. В этом произведении Тургенев, что важно для нас, непосредственно цитирует строки из тютчевского стихотворения « День вечереет, ночь близка...». Здесь присутствует мотив, пафос и словесное воплощение которого если не тождественны, то по крайней мере очень близки пафосу и словарю в сопоставлении Тютчева и Гете у Соловьева. В «Фаусте», повествуя об истории трагических взаимоотношений Веры Ельцовой и П.Б, Тургенев пишет о необходимости «смириться и преклонить голову перед Неведомым», о «тайных силах, на которых построена жизнь и которые изредка, но внезапно пробиваются наружу» и т.п.

Таким образом, развитая Соловьевым параллель между Гете и Тютчевым, впервые была выдвинута в критическом этюде Тургенева и подкреплена опытом восприятия тургеневской прозы. С другой стороны, уже вслед за Соловьевым, в 1911 году, об особой роли личности и творчества Гете для понимания «немецких корней» Тютчева писал В.Брюсов: «...он воспитывался на образцах немецкой поэзии. Гейне, Ленау, Эйхендорф, отчасти Шиллер и, в очень сильной степени, царь и бог немецкой поэзии Гете,- вот его главные учителя».¹⁶

Список литературы.

1. Таинник Ночи. Из наследия русской эмиграции.-М.,2008 с.98
2. Там же, с.88.
3. Там же, с.41.
4. Там же, с.88.
5. Там же, с.98.
6. В.С. Соловьев. Литературная критика.-М.,1990, с.106.
7. Там же, с.112.
8. И.С.Тургенев. статьи и воспоминания.-М.,1981, с.104.
9. Там же.
10. Там же.
11. Интересно, что в те же дни под впечатлением известия о смерти Тютчева практически о том же Самарин напишет Аксакову: «как поэт и художник слова он принадлежал бесспорно к пушкинской плеяде, а по природе своей приходился более язычником Гете...». Цит. по: Осповат А.Л. «Как слово наше отзовется...»: о первом сборнике Ф.И. Тютчева.-М.,1980, с.87.
12. Литературное наследство. Т.51/52.-М.1989,с.97.
13. Тургенев. Статьи и воспоминания.-М.,1981, с.37.
14. Там же, с.38.
15. Там же, с.47.
16. В.Я.Брюсов. Ремесло поэта: статьи о русской поэзии.-М.,1981, с.250-251.